

Мать уродов / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Мать уродов / новелла МАТЬ УРОДОВ

Эту страшную историю и эту страшную женщину я вспомнил на днях, увидев на одном из пляжей, излюбленных богатыми людьми, всем известную парижанку, молодую, изящную, очаровательную, пользующуюся всеобщей любовью и уважением.

История эта – дело уже давнее, но подобные вещи не забываются. Один из моих друзей, живущий в маленьком провинциальном городке, пригласил меня погостить у него. Желая оказать мне достойный прием, он стал всюду водить меня, показывать хваленые виды, замки, фабрики, развалины; он показывал мне памятники, церкви, старые украшенные резьбой двери, деревья огромной вышины или причудливой формы – дуб святого Андрея и тис Рокбуаз.

Когда я с восторженными восклицаниями осмотрел все местные достопримечательности, мой приятель с огорчением объявил мне, что больше некуда ходить. Я с облегчением вздохнул. Значит, теперь можно будет немного отдохнуть в тени деревьев. Но вдруг у него вырвалось:

– Ах, да! У нас ведь еще осталась мать уродов, надо показать ее тебе.

Я спросил:

– Кто это мать уродов? Он сказал:

– Это ужасная женщина, настоящий дьявол, существо, которое каждый год нарочно производит на свет детей-калек, отвратительных, страшных, словом – уродов, и продает их людям, показывающим всякие диковины.

Люди, промышляющие этим мерзким делом, время от времени наведываются к ней, чтобы узнать, не произвела ли она на свет какого-нибудь нового выродка, и, если он им по вкусу, берут его, выплачивая матери ренту.

У нее одиннадцать таких детей. Она богачка.

Ты думаешь, я шучу, выдумываю, преувеличиваю. Нет, друг мой.

То, что я тебе рассказываю, – правда, сушая правда.

Пойдем посмотреть на эту женщину. Потом я тебе скажу, как она стала заниматься производством этих уродов.

Он повел меня на окраину города.

Эта женщина шила в хорошеньком маленьком домике у самой дороги. Все было очень мило, замечен был порядок. Сад, полный цветов, благоухал. Можно было подумать, что здесь живет нотариус, удалившийся от дел.

Служанка ввела нас в маленькую деревенскую гостиную, и ужасная женщина вышла к нам.

Ей было лет сорок. Это была женщина высокая, с жесткими чертами лица, но хорошо сложенная, крепкая и здоровая, настоящий тип сильной крестьянки, полуживотное-полуженщина.

Она знала, что окружающие осуждают ее, и, казалось, принимала посетителей с каким-то злобным смирением.

Она спросила:

– Что вам угодно? Мой приятель сказал:

– Я слышал, что последний ваш ребенок – как все дети, что он нисколько не похож на своих братьев. Я хотел проверить. Правда ли это?

Она бросила на нас угрюмый, гневный взгляд и ответила:

– Ах, нет, сударь. Ах, нет! Он, может быть, еще хуже других. Не везет мне, не везет. Все такие, сударь, все такие, просто горе, и с чего это господь так немилостив к бедной женщине, у которой никого нет на свете, с чего это?

Она говорила быстро, лицемерно опустил глаза, похожая на хищного зверя, которому страшно. Она пыталась смягчить свой грубый голос, и было странно, что эти плаксивые слова, произносимые фальцетом, исходят из этого большого, ширококостного, угловатого, слишком сильного тела, которое как будто создано было для резких движений и которому пристало бы выть по-волчьи.

Мой приятель попросил:

– Мы хотели бы посмотреть на вашего ребенка.

Мне показалось, что она покраснела. Может быть, я ошибся?

Помолчав немного, она сказала, возвысив голос:

– На что это вам?

И она подняла голову, бросая на нас быстрые, огнем сверкающие взгляды.

Мой спутник продолжал:

– Отчего вы нам не хотите показать его? Есть ведь люди, которым вы его показываете. Вы понимаете, о ком я говорю.

Она вздрогнула и, дав волю своему голосу, дав волю своему гневу, прокричала:

– Вы для этого и пришли, так ведь? Чтобы оскорблять меня, да? Оттого, что мои дети все равно как звери, так ведь? Вы его не увидите, нет, нет, не увидите. Убирайтесь, убирайтесь! И чего это вы донимаете меня?

Она наступала на нас, положив руки на бедра. словно отклик на этот грубый голос, из соседней комнаты донеслось что-то вроде стоны или, вернее, мяуканья, раздался жалобный крик идиота. Мороз пробежал у меня по коже. Мы отступили.

Мой приятель строго сказал:

– Берегитесь, чертовка (в народе ее называли чертовкой), берегитесь, когда-нибудь вам от этого плохо будет.

Она задрожала от ярости и, потрясая кулаками, вне себя, проревела:

– Убирайтесь! С чего это мне плохо будет? Убирайтесь! Подлецы!

Она готова была вцепиться в нас. Мы поспешили прочь, совершенно подавленные.

Когда мы выбрались из дому, приятель спросил меня:

– Ну? Видел? Что скажешь о ней? Я ответил:

– Так расскажи мне историю этой гадины.

И вот что он мне рассказал на обратном пути, пока мы медленно шли по широкой белой дороге, окаймленной нивами, готовыми к жатве, которые от легкого ветра, возникавшего порой, покрывались зыбью, точно море.

Когда-то она была служанкой на ферме, работающей, порядочной и бережливой. Любовников у нее как будто не было, в каких-либо слабостях никто не подозревал ее.

Она согрешила, как это случается с ними всеми, после жатвы, среди снопов, под грозowymi тучами, в один из тех вечеров, когда воздух неподвижен и тяжел и кажется раскаленным, а

загоревшие тела девушек и парней обливаются потом.

Она вскоре почувствовала, что беременна, и уже терзалась стыдом и страхом. Желая во что бы то ни стало скрыть свое несчастье, она с помощью особого корсажа, который сама придумала и смастерила из веревок и дощечек, стала туго стягивать себе живот. Чем больше он раздувался под напором растущего ребенка, тем сильнее стягивала она это орудие пытки, терпя страшные муки, но мужественно перенося боль, всегда улыбающаяся и гибкая, не подавая и вида, не возбуждая никаких подозрений.

Она искалечила маленькое существо, сжатое в ее утробе страшными тисками; она сдавила, изуродовала его, сделала из него чудовище. Сплюснутый череп вытянулся, заострился, два больших глаза выкатились на лоб. Конечности, прижатые к телу, искривились, точно виноградные сучья, страшно вытянулись, а пальцы были похожи на лапы паука.

Туловище осталось совсем маленьким и круглым, словно орех.

Родила она весенним утром, в поле.

Работницы, поспешившие, чтобы помочь ей, с криками разбежались при виде чудовища, которое выходило из ее тела. И разнесся слух, что она родила черта. С тех пор ее и называют «чертовкой».

Ее прогнали с места. Она жила подаяниями, а может быть, – прячась от всех, – и любовью, ведь она была красивая девка, а мужчины не все боятся ада.

Она вырастила своего урода, к которому, впрочем, полна была дикой ненависти и которого, пожалуй, задушила бы, если бы кюре, предвидя преступление, не припугнул ее судом.

Однажды люди, показывающие всякие диковины, услышали проездом о страшном уроте и попросили показать им его, чтобы взять с собой, если им подойдет. Он им подошел, и они тут же отсчитали матери пятьсот франков. Сперва ей было стыдно, и она не хотела показать свое чудовище, но когда она увидела, что за него дают деньги, что этим людям хочется иметь его, она стала торговаться, спорить из-за каждого су, соблазняя уродствами своего младенца, с крестьянским упорством поднимая цену.

Чтобы ее не обманули, она заключила с ними письменное условие.

И они, кроме того, обязались выплачивать четыреста франков в год, как будто они взяли урода к себе на службу.

От этой неожиданной удачи мать обезумела, и ее уже не покидало желание произвести на свет другого урода, чтобы создать себе ренту, совсем как буржуа.

Так как она была плодовита, это ей и удалось, и, говорят, она добилась умения придавать своим уродам разнообразные формы – в зависимости от тех давлений, которым она подвергала их, пока была беременна.

Рождались у ней и длинные и короткие, одни походили на крабов, другие на ящериц. Некоторые умерли; она была в отчаянии.

Суд хотел вмешаться, но ничего нельзя было доказать. И ее оставили в покое, не мешая производить на свет этих уродов.

Сейчас их у нее одиннадцать в живых, и в год они на круг приносят ей пять-шесть тысяч франков. Один только не пристроен, тот, которого она не захотела нам показать. Но он не долго у нее останется, теперь все фокусники знают ее и время от времени наведываются, – нет ли у нее чего нового.

Она даже устраивает аукционы, если экземпляр того стоит.

Приятель мой замолчал. Я чувствовал глубокое отвращение, какую-то дикую злобу, жалея, что не задушил эту гадину, когда она была подле меня.

Я спросил:

– А кто же отец? Он ответил:

– Неизвестно. Он или они обладают некоторой стыдливостью. Он или они прячутся. Может быть, они делят барыши.

Я уже и не вспоминал эту давнюю историю, когда на днях, на одном из модных пляжей, увидел изящную, очаровательную, кокетливую даму, пользующуюся любовью и уважением мужчин, которые окружали ее.

Я шел вдоль берега под руку с приятелем, врачом на этом курорте. Десять минут спустя я увидел няньку и троих детей, игравших на песке.

Пара маленьких костылей валялась на земле; я почувствовал жалость. И тут я заметил, что эти три маленьких существа

уродливы, горбаты, искривлены, ужасны.

Доктор сказал мне:

– Это – чада прелестной дамы, которая только что повстречалась тебе.

Глубокое сострадание к ней и к ее детям овладело моим сердцем.

Я воскликнул:

– О бедная мать! И как она еще может смеяться!

Мой приятель продолжал:

– Не жалея ее, дорогой мой. Жалеть нужно бедных малышей. Вот последствия перетянутых талий, которые до последнего дня остаются тонкими. Эти уроды – результат корсета. Она знает, что рискует при этом жизнью. Но ей все равно – лишь бы она была хороша, лишь бы ее любили!

И я вспомнил ту деревенскую женщину, чертовку, которая продавала своих уродов.

Ги де Мопассан.

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]

– Мн.: Изд-во «Университетское», 1984

Перевод А.В.Федорова. Некаýalar